

В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ в «Колонке редактора» мы обратились ко всем любителям отечественной истории — к бывалым людям, к участникам революционных событий, строителям первых пятилеток, участникам Великой Отечественной войны, различных экспедиций, походов, строев, к деятелям культуры и просвещения, к спортсменам, путешественникам и просили их участвовать в создании при «Неделе» рукописной библиотеки воспоминаний.

На «подку» нашей будущей библиотеки положена первая рукопись. Это — воспоминания Владимира Николаевича Римского-Корсакова (портрет его вы видите справа) о своем отце — великом русском композиторе Николае Андреевиче Римском-Корсакове.

Совершенно естествен вопрос о том, какое влияние на воспитание детей Николая Андреевича

Римского-Корсакова имела его мать, наша бабушка Софья Васильевна. Надо сказать, однако, что бабушка, переселившись в Петербург после смерти дедушки Андрея Петровича, жила не с нами, а в семье вдовы Воина Андреевича Римского-Корсакова. Она часто навещала нас, приезжая обычно на Фурштатскую улицу на несколько дней с ночевкой у нас. Более длительные общения бабушки с нашей семьей возникали лишь летом, когда она переезжала вместе с нами на дачи.

Софья Васильевна была дочерью орловского помещика Василия Яковлевича Скарятина, женатого на крепостной крестьянке. Происхождение ее не было узаконено; официально она носила фамилию Васильевой по имени своего отца, а не по его фамилии.

Софья Васильевна, по понятным причинам, не говорила нам о своем происхождении, а расспрашивать ее об этом нам, внукам, и в голову не могло прийти. Для нас она была просто дорогой и любимой бабушкой. Для посторонних — законной и правомочной женой Андрея Петровича. Отношение со стороны родных Андрея Петровича лучше всего характеризует сохранившееся в архиве Римских-Корсаковых письмо брата Андрея Петровича — Павла Петровича к Софье Васильевне по случаю вступления ее в брак и тем самым в семью Римских-Корсаковых.

Письмо Павла Петровича, очевидно, на свадьбе не присутствовавшего, написано в изысканном стиле того времени, но вместе с тем очень искренне и душевно.

«Милостивая Государыня Софья Васильевна!

Во ожидании той минуты, которая доставит мне честь личного с Вами знакомства, я почтительно приятнейшим долгом предварительно рекомендовать себя и поздравить Вас со вступлением в брак.

Вы теперь супруга нашего милого и почтенного брата Андрея Петровича и, следовательно, любезнейшая моя сестрица. Это титло заставляет надеяться, что Вы удостоите иметь к нам те чувства, на кои столь близкое родство дает нам все право; со своей стороны я от себя и от лица всех братьев смею уверить Вас в искреннем уважении и родственной любви, которую, конечно, мы сохраним к Вам неизменно. Братцу Андрею Петровичу известно сердце каждого из нас, и он подтвердит истину моих слов.

Поручая себя родственному Вашему расположению, я прошу Вас, любезнейшая сестрица, принять уверение в искреннем почтении и любви Вашего нового

Преданного брата

Павла Римского-Корсакова.

1821 года

Сентября 16 дня».

В черновых набросках воспоминаний о Софье Васильевне Надежда Николаевна Римская-Корсакова подчеркивает, что Николай Андреевич «нежно любил» свою мать, которая была его «лучшим другом», и характеризует Софью Васильевну как женщину кристально чистой души и твердого характера, соединенного с сердечной добротой и умом. Доброта и спокойствие характера, нравственная чистота и благородство этой чудесной женщины, сохранившей до глубокой старости прекрас-

МАТЬ И СЫН

В. Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

ные черты своего физического и духовного облика, покоряли сердца всех ее знавших.

Получив для своего времени хорошее образование, Софья Васильевна интересовалась литературой, читала французские романы и, просматривая газеты, следила за политикой. Она прекрасно знала французский язык, свободно на нем объяснялась и хорошим слогом писала французские письма. В молодости она училась играть на рояле и любила играть в четыре руки. По-видимому, ей был обязан ее младший сын первоначальными уроками музыки. У Софьи Васильевны были прекрасный музыкальный слух и память. Она помнила и напевала много русских, польских и французских народных песен.

Когда Нике было четыре года, Андрей Петрович писал друзьям своим, что «здоровьем и смыслом» младшего сына он доволен и что сын доставляет родителям единственное развлечение, так как живут они в Тихвине, предпочитая «домашнее препровождение времени» в семье своей постоянным общением с посторонними.

ТИХАЯ и радостная семейная жизнь, наполненная взаимной любовью родителей и ребенка, украшалась участием, вниманием и добрыми советами старшего сына, то излагавшего их в письмах, то лично при посещениях родной семьи.

Воин Андреевич поощрял пробуждавшиеся интересы младшего брата к ручному труду, гимнастике, музыке, чтению и морской науке и технике. Он настаивал перед родителями на передовых приемах воспитания их сына для приобретения самостоятельности, дисциплины, отсутствия изнеженности, опрятности и небоязни запач-

канных в работе рук. Он старался внушить младшему брату благородное самодобие и стремление к совершенствованию, радуясь при этом, что Ника, видимо, мальчик бойкий и понятливый.

Семейная идиллия продолжалась до двенадцатилетнего возраста Ники. До этого времени он ни разу не расставался с родителями. Поэтому только с переездом в Петербург и поступлением в Морской корпус ему пришлось резко оторваться от постоянной и непосредственной материнской ласки и ухода в родном тихвинском доме. Но разлука не погасила обоюдных нежных чувств и любви. Наоборот, начавшаяся переписка с родителями показывает, что эти чувства развились и углубились. Появившиеся у юного Ники серьезные интересы, страстное увлечение слушанием музыки, изучением ее и, наконец, собственным творчеством, несмотря на первоначальное несочувствие этой страсти со стороны матери, не охладили ни сыновних чувств, ни материнской любви.

Софья Васильевна действительно долго не могла понять глубины музыкальных интересов своего младшего сына, его страсти к сочинению, стремления к музыкальной деятельности. Однако со временем она превозмогла это непонимание, не только примирилась, но и гордилась тем, что сын ее стал композитором. Конечно, это было уже значительно позже, хотя перелом во взгляде матери на композиторскую деятельность сына стал определяться еще в начале заграничного плавания Николая Андреевича, когда Софья Васильевна выражала радость, что анданте Первой симфонии весьма одобрено музыкальными друзьями Николая Андреевича, и предвкушала успех симфонии. В начальный же период осознания Николаем Андреевичем своего музыкального призвания дело было несколько иначе.

Николай Андреевич неизменно сообщал матери о всех событиях своей морской службы и личной жизни, веруя, что его «лучший друг — нежно любившая» его Софья Васильевна рано или поздно поймет его заветные мечты о его музыкальном призвании. Поэтому по возвращении из плавания и под влиянием впечатлений и размышлений во второй половине его Софье Васильевне первой сообщил он и о пришедшем ему в голову новом решении, которое чуть не стало трагическим для истории русской музыки.

МЫ НЕ ПРИВОДИМ здесь всей истории взаимоотношений Софьи Васильевны с ее младшим сыном во время его почти трехгодичного заграничного плавания, ибо в основном это известно, а в подробном и полном изложении потребовало бы специальной работы и опубликования чуть ли не всей их переписки с многочисленными пояснениями. Тем не менее здесь нам необходимо обратиться к этой переписке частично, времени плавания, а главным образом, времени возвращения из плавания, ибо тогда настал час решительный.

Вспомним, что Николай Андреевич ушел в длительное морское плавание, подчиняясь служебной необходимости, желаниям матери и брата, но против собственных убеждений, духовных и художественно-музыкальных стремлений. Ведь знакомство с Балакиревым превратило увлечение музыкой в настоящую страсть к ней. «Мес-сяцы, непосредственно предшествующие выступлению в морской поход, приносят с собой для Николая Андреевича неведомые ранее творческие радости и счастье товарищеской близости с ярко талантливыми и оригинальными молодыми людьми, одушевленными общностью художественных интересов и идеалов». Эту страсть надо было в себе подавить, чтобы она в угоду Софье Васильевне и брату Воину не была в ущерб службе, то есть настоящему призванию ее сына (!), а развитие музыкальных способностей лишь способствовало бы «спасению от многого дурного». А когда Софья Васильевна из любви к сыну (а может быть, отчасти и вежливости) выражала радость по поводу одобрения «Анданте» петербургскими друзьями музыкантами, то в ответ на это выражение материнских чувств следовала отповедь: «Как, мама, ты радуешься моему музыкальному

таланту? Да, ты могла бы радоваться моим способностям, если бы у меня их было поменьше. А у меня их слишком много (курсив мой.—В. Р.-К.). Если бы я только любил музыку и имел хороший слух, ты могла бы радоваться. Если бы мои занятия музыкой ограничивались только тем, что иногда присядешь (за рояль) с часок, а потом и на службу пойдешь, так оно так. А уж кто симфонии стал писать, тот может ли тебя радовать!»

Почти через год между различными вопросами об успехах во французском и английском языках, о возможности поиграть на фортепьяно Софья Васильевна спрашивала несколько неосторожно, отчего же он не пробует что-нибудь и сочинить, говорят, ты имеешь к этому способность. Ответ следует весьма определенный, чтобы не сказать резкий:

«Нет, я не сочиняю ни пьесок, ни пьес, а талант у меня есть, и мне это не кажется, а я знаю это наверно. А если другим только кажется, так я знаю это лучше других, и мне никакого нет дела, что им кажется — я знаю то, что знаю.

Помнишь, мама, как давно, будучи еще дома, я пытался сочинять: помнишь, я писал какую-то нелепую увертюру, которую ты и папа тогда просили сыграть вечером за чаем, а я закапризился и разорвал. Это было тогда, когда я был еще 12-ти лет.

После того, потихоньку от первого учителя своего Улиха, — я продолжал писать разные глупости, перекладывал то, что написано для двух рук в четыре и т. п. Наконец, я познакомился с Канилле. Он меня заставил сочинять уже явно, и я пошел большими шагами вперед, когда, к моему удовольствию, познакомился с Балакиревым и Кюи.

Тут я написал положительно хорошую вещь — симфонию Е-молль, которая может стать в ряду с хорошими вещами многих композиторов. Я тебе это говорю не хвастаясь. Ты симфонию не поймешь, Мари тоже, Нарцисса Сальвадорона, конечно, нет (хотя она и говорит, что знала когда-то музыку, да, видите ли, позабыла). А хорошему музыканту она понравится, и даже очень.

Вперед я шел так быстро, что последние части симфонии выходили прогрессивно лучше первых. И я видел свои первые ошибки ясно и уже не делал их.

В России музыка только что начала (с Глинки) свое развитие, и все русские музыканты не идут, а летят вперед. Я бы должен был поддержать это развитие, из меня вышло бы много...

А я теперь сижу и ничего не делаю. Музыка стоит и не шевелится. Почему это?..

Странно то, что я получил некоторую апатию к ней, я сделался равнодушен. Воин обрадуется и скажет, что он это предсказывал и говорил, что все мои бредни о музыке — вздор, быть может; и когда я сделаюсь по-серьезнее, то я брошу ее. Верно, я брошу ее, но только вот беда: от воров отстану, а к павам не пристану. Из меня не будет хорошего морского офицера, а также преподавателя и воспитателя.

Ну, что ж — будем служить, тянуть лямку; сделаемся Бауэрами, Зальцманами, Моласами, Афанасиями Ивановичами, Пульхериями Ивановыми, Пироговыми, Петушковыми или кем-нибудь из прочей великой семьи. Сделаемся людьми служащими, потому что с малолетства были определены на службу; сделаемся вообще человеком так себе; сделаемся, сделаемся.

Мама, посмотри на меня серьезнее; ты все как-то смотришь не так. Тебе вот не нравится, что И. И. Тимирязев хочет взять Петю в деревню. А я скажу: если Петя будет благосыльным человеком и отвяжется от старой барской обломовщины, он может гораздо больше принести пользы в деревне, чем на службе, к которой особенной склонности не имеет. Пора исключить из русского лексикона слово «недоросль» из дворян, которое дается тем, кто не служил. Белинский был недоросль; Гоголь, если бы не служил, тоже был бы недоросль; Добролюбов, чай, тоже недоросль!

Бауэр, мне кажется, будет недоросль. Многие из моих корпусных офицеров были действительно недоросли;

на клипере многие офицеры — недоросли. Я бы не желал быть недорослем! Прошу тебя покорно никому всего этого не читать и брату в особенности».

Напротив, получив письмо от Балакирева, который не переставал его поддерживать и ободрять как «хороший и любящий его человек», Николай Андреевич признается Софье Васильевне, что «почти взбесился от радости, с час времени прошагал по каюте форсированным маршем, так что в пот бросило». Теперь он «рад, весел, доволен и будет писать новую симфонию».

«Ах, если б вышла хороша! Мама, хоть всякая страсть есть порок, а все-таки дай мне руку на счастье, авось хорошо пойдет».

ОДНАКО двухлетнее музыкальное безделье во время плавания, по условиям морской службы, привело к тому, что, по его признанию, он не только ничего не сочинил, но «и музыкально отупел», подвинулся назад, хотя во всем другом и «подался много вперед». В результате при уходе из Нью-Йорка для следования на Амур (что, к счастью, не осуществилось) он пришел к заключению, что, придя в Россию, нужно будет пустить музыку побоку, потому что «я ясно вижу, верую и исповедую, что на музыкальном поприще мне теперь делать нечего. Теперь я знаю не хочу сладких утешений, что, дескать, придя в Россию, все пойдет опять старым порядком. Между тем охота к кругосветному плаванью, желание побольше видеть того и другого во мне не остыло, а развилось».

По возвращении 21 мая 1865 года из заграничного плавания Николай Андреевич прожил некоторое время в Кронштадте. От этого времени сохранилось восемь его писем к Софье Васильевне. В дальнейшем, после перевода его в сентябре 1865 года в Петербург для береговой службы в составе части 1-го флотского экипажа, переписка с матерью, естественно, прекратилась. Эти же несколько кронштадтских писем были вызваны тем, что после краткого свидания с сыном между 21 мая и 15 июня Софья Васильевна переехала на дачу в Финляндию в Сониион-Сари с семьей Воина Андреевича.

Почти безвыездно просидев в Кронштадте («Как заключенный»), Николай Андреевич занят был работами и дежурствами по разоружению клипера «Алмаз», исполняя при этом обязанности адъютанта, так как настоящий адъютант был в отпуске, а затем был переведен на службу в Черное море, так что прекращения адъютантства не предвиделось, что для Николая Андреевича было весьма неприятно. Отказываться от должности адъютанта нельзя; отказывающихся на службе держать не станут. Не по нутру же ему должность эта была главным образом потому, что требовала постоянного присутствия в Кронштадте, мешала свиданию с Софьей Васильевной и, конечно, с друзьями-музыкантами.

6 августа 1865 года он пишет матери, что живет по-прежнему, читает и скучает. «В Кронштадте я свиреплю читаю, когда же приедем в Петербург, то свиреплю играю на фортепьяно».

ЭТО «СВИРЕПОЕ» увлечение игрой на фортепьяно — уже первый признак близкого возвращения к музыке и к сочинению.

17 августа 1865 года Николай Андреевич пишет матери, что накануне ему пришла в голову «новая мысль, которой он не ожидал еще третьего дня». Она должна понравиться Софье Васильевне.

«Эта мысль состоит в том, что я хочу начать подготавливаться, чтоб на будущее лето держать экзамен в Морскую академию. Дело в том, что если бы я впоследствии и переменил свое намерение поступить в академию, то, во всяком случае, занятия мои не пойдут для меня в ущерб, а непременно в пользу. Если же я поступлю согласно с теперешним моим намерением, то есть буду держать экзамен, то, во всяком случае, по службе не проиграю, а выиграю. Выйду я из академии — мне будет легко попасть на заграничное судно и идти на Амур, как этого я желал; а если передумаю, то го-

раздо легче будет найти место при береге. Выдержав же экзамен вступительный из 10-ти первых, я буду пользоваться в продолжение двух лет моего пребывания в академии двойным окладом жалованья и, следовательно, буду в состоянии жить хорошо в Петербурге, буду жить подле тебя и постоянно с тобой видеться; а так как в академию поступает вообще немного слушателей, то, разумеется, мне нетрудно будет выдержать экзамен из десяти первых, и, во всяком случае, я надеюсь на свои силы. Как тебе это все нравится?».

Недолго владела Николаем Андреевичем эта надуманная и служебно-радушная мысль, хотя тотчас же была заведена объемистая тетрадь, озаглавленная «Алгебра», и в ней несколько листов заполнены задачами по алгебре. Но уже через несколько дней самообучение кончилось, потому что, видимо, состоялись свидания с Балакиревым и Кюи. Сейчас же возникла необходимость доработки 1-й симфонии, расписки партий для предположенного ее исполнения в концерте Бесплатной музыкальной школы. Алгебра и прочие научные предметы программы Морской академии вылетели из головы музыканта так же быстро, как и появились.

В РЕЗУЛЬТАТЕ триумф 19 декабря 1865 года, и в дальнейшем вся жизнь в музыке.

На первом исполнении 1-й симфонии 19 декабря 1865 года Софья Васильевна, конечно, присутствовала, как присутствовала и на втором ее исполнении в Мариинском театре весной 1866 года под управлением К. Н. Лядова. Она даже сохранила себе рецензию Ц. А. Кюи в «Петербургских ведомостях» об этом неудачном, по его мнению, исполнении.

К сожалению, за все 15 лет со времени исполнения 1-й симфонии в концерте Бесплатной школы до постановки «Майской ночи» в Мариинском театре у нас нет материалов, которые подтверждали бы посещения Софьей Васильевной концертов с исполнением произведений Николая Андреевича. Мы находим лишь ее замечание в письме к Надежде Николаевне от 11 июня 1873 года, где она признается, что очень интересуется мнением Листа о «Садко» — ее любимце.

Зато в письме от 11 января 1880 года, то есть через два дня после первого представления «Майской ночи», она сообщает Надежде Николаевне следующее свое признание: «Сама себе удивляюсь, как могла произвести на свет такого сына, такого мужа и человека для общества, как Ника, милая моя Надя, за что я всегда благодарю бога и желаю, чтобы ты за счастье считала быть его женой, любила меня последние годы моей жизни так же, как до сих пор, и при свидании ты должна обнять с особенной нежностью, как ты говоришь, виновницу его торжества. Сегодня я прочитала в «Голосе» похвалы опере «Майская ночь». Желаю теперь знать мнение «Нового времени». Сбереги для меня номер... Всех вас прижимаю к сердцу, моя дорогая Надя».

С. Р.-Корсакова.

Не могу писать, рука слишком дрожит».

Из-за болезни ноги Софья Васильевна не могла присутствовать на следующем представлении «Майской ночи», на которое родители решили взять первый раз в театр ее внука Мишу. Об этом бабушка пишет 17 января 1880 года:

«Уведомь меня, милая моя Надя, как Миша провел ночь после вчерашнего вечера. Мари¹ мне говорила, что он был в восторге. Мне жаль, что я его не видала в опере, мне бы так было весело видеть его радость. Мари мне говорила, что второе представление еще было шумнее прежнего, особенно гусары (!!) выходили из себя от восторга. Когда-то мне еще удалось видеть «Майскую ночь»; так не кстай нога моя заболела. Мне так хотелось побывать в вашем краю. Доктор мне прописал мазь и сказал, если я немного посижу дома, то скоро нога поправится. Обнимаю вас всех, мои милые,

Ваша мама С. Р.-К.».

1 Мария Федоровна Римская-Корсакова-Штакельберг.